

А. Шлейхер

**Тэмы имен числительных в литво-
славянском и немецком языках**

**Приложение к 10 тому Записок имп. академии
наук №2**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Шлейхер**
Тэмы имен числительных в литво-славянском и немецком языках: Приложение к 10 тому Записок имп. академии наук №2 /
А. Шлейхер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 71 с.

ISBN 978-5-4241-6265-7

ISBN 978-5-4241-6265-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

купимъ разсмотрѣнiе вопроса о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ, какъ многіе утверждаютъ, въ индо-германскихъ числительныхъ именахъ проявляется ближайшее отношенiе индо-германскихъ языковъ къ другимъ, именно къ семитическимъ и египетскому языкамъ.

Изъ числа прежнихъ трудовъ по этому предмету мы пользовались или, по крайней мѣрѣ, соображались, со слѣдующими: Fr. Bopp, *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen* и т. д., 2-ое изд., Т. II (Берлинъ, 1859 г. 8°) стр. 55 и слѣд.; A. F. Pott, *Etymologische Forschungen*, Т. I (Lemgo, 1833. 8°) стр. 276, Т. II стр. 216—221, въ особенности стр. 220; R. Lepsius, *Zwei sprachvergleichende Abhandlungen* (Berlin 1836.) стр. 83—150; Потта рецензія на сравнительную грамматику Боппа (перваго изданiя) въ *Hallische Jahrbücher* 1838 г. № 58—64; въ этихъ статьяхъ Поттъ подробно разсматриваетъ тотъ отдѣлъ Бопповой грамматики, въ которомъ говорится о числительномъ имени, и разсужденiе Лепсіуса, посвященное тому-же предмету; Pott, *Die quinäre und vigesimale Zahlmethode bei Völkern aller Welttheile. Nebst ausführlichen Bemerkungen über die Zahlwörter Indogermanischen Stammes und einem Anhang über Fingernamen*. Halle 1847. 8°. На стр. 117 этой книги помѣщенъ списокъ сочиненiй о числительномъ имени у различныхъ народовъ. Въ этотъ трудъ Поттъ включилъ большую часть того, что имъ сказано было прежде о числительномъ имени въ *Hallische Jahrbücher*; P. J. Šafařík *mluvozpytný rozbor číslslova* въ *Časopis českého Museum* 1848 г., стр. 218—257 (переведено на русскій языкъ В. Макушевымъ, подъ заглавіемъ: *Филологическій разборъ числительныхъ именъ*, см. Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Выпускъ второй. Спб. 1860 г. 8° стр. 178—210); I. Павскаго, *Филологическія наблюденiя надъ составомъ русскаго языка*. Разсужденiе второе, отдѣленiе второе. Спб. 1850. 8°, глава 11, стр. 148—173. Преимущественно числительное имя въ нѣмецкомъ языкѣ разсматриваютъ Яковъ Гриммъ въ статьѣ: *Ueber die zusammengesetzten Zahlen* въ

журналѣ Пфейффера — *Germania, Vierteljahrschrift für deutsche Alterthumskunde*, Т. I. (Штутгартъ 1856. 8°) стр. 18—33 и Гольцманнъ, въ статьѣ: *Ueber das deutsche duodecimalsystem*, тамъ-же стр. 217—223. Новѣйшую монографію о числительномъ имени составляетъ сочиненіе Benloew, *Recherches sur l'origine des noms de nombre japhétiques et sémitiques. Lu à l'Académie des inscriptions et belles lettres de Paris. Giessen 1861*. Въ моемъ *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen sprachen*, (Weimar 1861. 1862. 8°) говорится о числительномъ имени въ §§ 237—241, на стр. 397—411.

ТЕМЫ ИМЕНЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ КОЛИЧЕСТВЕННЫХЪ, ОТЪ 1 ДО 10.

Индоевропейскій языкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ языковъ, въ которыхъ численная система наиболѣе сообразна съ понятіемъ о числѣ, т. е. система десятичная. Простыя числительныя имена его, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя народнымъ сознаніемъ считаются такими, доходятъ до десяти; отсюда уже начинаются сложныя числительныя.

Десятичная система въ языкахъ самая употребительная; она встрѣчается напр. въ семитическихъ, финскихъ, турецко-татарскихъ, тамульскомъ, коптскомъ, тибетскомъ, китайскомъ, малайскомъ, въ готтентотскомъ (Намаквѣ) и другихъ африканскихъ языкахъ, и т. д. Кромѣ десятичной, встрѣчаются въ языкахъ еще системы пятичная (въ нѣкоторыхъ языкахъ Африки и на островахъ Южнаго океана и въ другихъ; см. Pott, *Zählmethode*, стр. 30 и слѣд.) и двадцатичная (Pott, тамъ-же, стр. 77); но послѣдняя часто употребляется рядомъ съ десятичною; даже въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ она образовалась постепенно, въ продолженіе позднѣйшаго періода ихъ развитія (напр. во французскомъ: *quatre vingt* $4 \times 20 = 80$; въ датскомъ: *tred-sinds-tyve* $3 \times 20 = 60$, *fir-sinds-tyve* $4 \times 20 = 80$; въ кимрійскомъ: *deg ar ugeint* $10 + 20 = 30$, *de-ugeyn* $2 \times 20 = 40$ и т. д.; (равно и въ другихъ ново-кельтскихъ языкахъ).

Десятичную систему мы прямо можем считать собственно нормальною системою счисления. Едва ли еще стоить упоминать о томъ, что происхожденіемъ своимъ она, главнымъ образомъ, обязана числу пальцевъ на обѣихъ рукахъ, подобно тому, какъ пятничная система основана на числѣ пальцевъ одной руки.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ числительныхъ именъ отъ 1 до 10.

1. Основною формою тѣмъ наименованія единицы въ славяно-нѣмецкомъ языкѣ явно оказывается *aina* (о другой особенной формѣ славянскаго языка намъ придется говорить ниже). Сравн. готскую тѣму *aina* (именит. ед. муж. *ain-s*, средн. *ain*, *ainata*, женск. *aina*) съ древне-болгарскимъ *инъ*, которое, согласно звуковымъ законамъ славянскаго языка, тоже что **jina* вмѣсто **ina*, основная форма *aina* (въ славянскомъ языкѣ нѣтъ слова, начинающагося съ *i* = первоначальному *ai*; гдѣ бы слѣдовало ожидать *i* въ началѣ слова, тамъ спереди ставится *j*, какъ это бываетъ и съ другими гласными; но вмѣсто соединенія *ji* постоянно является *ji*, т. е. *и*; ср. *Compendium der vergl. gramm. der indogerm. spr.* § 89, 2, § 87, 3, 5). Это *инъ* рѣдко бываетъ наименованіемъ единицы, а большею частію является въ сложныхъ и производныхъ формахъ; поэтому его слѣдуетъ считать древнѣйшимъ способомъ означенія единицы (напр. *инорогъ*, *топосегов*, *инскаій одинокій*, *инокъ*, *монахъ*; кзима *weepreg*, слово въ слово «*in upat*» и т. д.); прусская тѣма *aina* (имен. единств. муж. *ains*, ж. *aina*); литовскій и латышскій языки имѣютъ *v* въ началѣ слова *и*, поэтому, тѣму *vaina* (им. ед. муж.: *vainas*, *vains*, ж. *vaina*; латышское слово сходно съ литовскимъ и расходится съ нимъ только въ правописаніи и удареніи: муж. *weeps*, ж. *weena*, по исправленному правописанію Биленштейна *) *wins*, ж. *wina*). Хотя, кромѣ этого случая, нельзя указать въ литовскомъ языкѣ на другой примѣръ приставки звука *v* къ начальнымъ гласнымъ, однако формы сродственныхъ язы-

*) *A. Bienenstein*, *Handbuch der lettischen Sprache. I. Grammatik. Mitau. 1868.*

ковъ, въ особенности прусскаго, и невозможность объяснить исключительно литовскую тэму, съ основною формою *ai-na*, заставляють предполагать, что къ гласной *ë* (= слав. *ĭ*, первоначальному *ai*), стоявшей въ первобытномъ литовскомъ языкѣ въ началѣ слова, и къ которой въ другихъ случаяхъ приставляется *j* (*Compendium* § 101 въ концѣ), здѣсь, въ видѣ исключения, приставленъ губной придумной звукъ *v*, смѣняющій нерѣдко небный *j*. Поэтому мы считаемъ литво-латышскую тэму *v-ë-na* позднѣйшимъ измѣненіемъ тэмы *ai-na*, сохранившейся въ прусскомъ языкѣ.

Эта тэма *ai-na* свойственна не однимъ только названнымъ языкамъ, а встрѣчается и въ греко-итало-кельтскомъ языкѣ, гдѣ она звучитъ *oïno* (греч. *οἰνή πονάς*, срав. *G. Curtius, Griechische Etymologie* нг. 445; лат. имен. ед. муж. *oïno-s*, позднѣе *oeno-s*, *ūnu-s*; др.-ирл. *ben*, *óin*) и имѣетъ тоже самое назначеніе, какъ и въ языкахъ сѣверо-восточнаго отдѣла. Въ древне-индѣйскомъ языкѣ существуетъ тэма *ë-na*, которая въ звуковомъ отношеніи соответствуетъ упомянутымъ *ai-na* и *oïno* (напр. винит. ед. муж. *ëna-m*, ср. *ëna-t*, ж. *ëná-m*), но употребляется не въ значеніи числительнаго имени, а мѣстоименія 3-го л. «онъ, она, оно».

Вслѣдствіе согласія славяно-нѣмецкаго и греко-итало-кельтскаго языковъ оказывается болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что уже въ первобытномъ индо-германскомъ языкѣ тэма *ai-na* имѣла значеніе числительнаго имени; существованіе же этой тэмы въ этомъ языкѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Происхожденіе этой тэмы ясно; она образовалась при помощи суффикса *na* (весьма употребительнаго для образованія тэмъ), отъ корня *i*, имѣющаго указательное значеніе (напр. лат. имен. ед. муж. *i-s*, ср. *i-d*, готск. имен. ед. муж. *i-s*, сред. *i-ta*; и другіе языки нашего племени имѣютъ этотъ корень *i*). Въ *ai-na* *ai* подъемъ корня *i*.

Въ древне-индѣйскомъ языкѣ оказывается въ томъ-же значеніи, какъ и числительное *ai-na*, тэма, сходная по корню, но отличная по словообразовательному суффиксу, именно *ë-ka*, основ-

ная форма ai-ka (имен. ед. муж. é'ka-s, сред. é'ka-m, женск. é'ká ipus, ипш, ипа); въ древне-бактрійскомъ есть тѣма, образованная отъ того-же корня съ суффиксомъ va: aéva, древнеперс. aiwa; ту же тѣму имѣетъ греческій языкъ въ oí-fo (имен. ед. муж. oí-ς ipicus; eíς т. е. *éy-ς, сред. éy, женск. míx не имѣютъ ничего общаго съ aipa; эти образования свойственны греческому языку *); впрочемъ и имъ служитъ основаніемъ корень указательнаго мѣстоименія, именно sa; ср. Compendium § 237, 1).

Славянскій языкъ имѣетъ для наименованія 1 собственное ему слово, которое, поэтому, слѣдуетъ считать позднѣйшимъ образованіемъ, вытѣсненнымъ изъ употребленія древнее имя, именно древне-болг. кдинъ. Этимологія этого слова темна; обыкновенно его сравниваютъ съ древне-индійскою тѣмою ádí, имен. ед. ádí-s inítium. Но происхожденіе древне-индійскаго ádí также не довольно ясно и тождественность его съ славянскимъ кдинъ, въ сущности, мало правдоподобна. Шафарикъ (Čas. česk. mus. 1848, стр. 230) разлагаетъ кдинъ на je-di-n; je сравниваетъ онъ съ jáz, já (ego) и вмѣстѣ съ тѣмъ съ относительнымъ ji-že, ja-že, je-že и наконецъ съ нѣмецкимъ je въ je-der, je-mand, je-mals и т. д.; въ di же видитъ указательный корень. Подобное предположеніе въ наше время не требуетъ опроверженія **).

*) Армянское mi по звукамъ сходно съ míx, но слѣдуетъ ли считать это сходство лишь случайнымъ, это единственно можетъ рѣшить изслѣдованіе, основанное на самомъ точномъ изученіи звуковыхъ законовъ армянскаго языка.

**) Что словъ, образованіе которыхъ не знаемъ, нельзя употреблять для научныхъ цѣлей и что тотъ, кто сравниваетъ слово на основаніи одного озвучія, получаетъ совершенно ложные результаты, будь это даже Шафарикъ, въ доказательство этого мы здѣсь, по случаю нашей первой ссылки на Шафариковы объясненія числительнаго имени, проверимъ примѣненный имъ методъ. Результатъ этой повѣрки даетъ намъ право, впоследствии лишь заявлять о его объясненіяхъ, не вдаваясь въ дальнѣйшее ихъ разсмотрѣніе. Итакъ, по словамъ Шафарика, je отъ je-din = ja, указательному элементу, который сохранился также въ já-z, já (я) ego, въ относительномъ ji-že, ja-že, je-že и съ которымъ будто бы тождественно нѣмецкое je въ je-mand и т. д. Не говоря уже о весьма сомнительномъ разложеніи слова кдинъ на je-di-n, мы изъ приведенныхъ примѣровъ, въ которыхъ, по словамъ Шафарика, содер-

Если Лепсіусъ древне-индѣйское êка (слѣдственно форму, свойственную одному этому языку, которую мы, поэтому, и не можемъ отнести къ первобытному индо-германскому языку) хочетъ найти въ мѣстоименіи древне-инд. ahásh ego (см. *Zwei sprachvergleichende Abhandlungen*; Berl. 1863, II, стр. 97, § 15), то подобное сравненіе свидѣтельствуеетъ о незнакомствѣ съ фонетическими законами и отсутствіи всякаго научнаго метода (др.-инд. ê = первоначальному ai, но никогда не = a; k никогда не = др.-инд. h или gh). Равнымъ образомъ мы не постигаемъ средства понятій «единицы» и «я». Сравнивать, какъ это дѣлаетъ Боппъ (*Vgl. Grammatik II*², стр. 56), лат. ūpi-s, древнее oipo-s съ др.-инд. ūpa (напр. въ ūpa-vimśati undeviginti) нельзя также безъ нарушенія фонетическихъ законовъ, потому что лат. oi, позднѣе oe, ū, есть двугласная изъ разряда i, а др.-инд. ū принадлежитъ къ разряду u. Кромѣ того Боппъ отдѣляетъ литовское vėnas отъ готскаго, прусскаго и славянскаго aīna, полагая, что оно замѣняетъ *mēna-s и поэтому сродственно др.-инд. manāk мало, лат. mīnog, слав. мѣний; но, во первыхъ, предположенію этому противорѣчатъ формы языковъ, находящихся въ ближай-

жится мѣстоименный корень ja, можемъ только второй считать вѣрнымъ; отъ и-же, и-же, к-же основныя формы собственно ja-s gha, jā gha, jat gha (ср. напр. Schleicher, *Kirchenslaw. formenlehre*. Bonn 1852, стр. 262 и слѣд., Curtius, *Griech. Etymologie*, Leipz. 1866. № 606). Древне-чешское já-z, позднѣе já ego, тоже, что др.-болг. азъ, вмѣсто котораго, въ рѣдкихъ случаяхъ, является также и азъ; j здѣсь совершенно поздняго происхожденія, какъ это часто бываетъ съ j и v въ началѣ словъ (*Compendium I*, § 89); первобытная форма отъ азъ есть agham, можетъ быть agam (ср. *Compend.* § 265), слѣдовательно о корнѣ ja здѣсь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Древнею формою je въ je-man и т. д. является ie, напр. ср. нѣмецкое ie-man, еще древнѣе êo, напр. др.-верх.-нѣм. êo-man, въ готскомъ же aiv и означаетъ inquam; это aiv ничто иное, какъ употребленный, въ видѣ нарѣчія, винят. падежъ отъ слова aivus = aevum, которому, т. е. aevum, оно и соответствуетъ въ этимологическомъ отношеніи (ср. греч. αἰφ-ών). Корнемъ этого aivus, основная форма котораго ai-va-s, служить i (ire), ср. др.-инд. ê'-va-s походка, хожденіе. И здѣсь нѣтъ слѣда корня указательнаго мѣстоименія ja; j и въ jeman и т. д. совершенно новое явленіе. Для образчика и этого достаточно.

шемъ сродствѣ съ литовскимъ; во вторыхъ, оно также не согласно съ законами фонетики, и наконецъ, это предположеніе основано на весьма неправдоподобномъ переходѣ понятій.

2. Во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ во второмъ числительномъ имени оказывается тѣма *dva*, первоначально, можетъ быть, *dua*, происхождение которой намъ совершенно непонятно. На древне-болгарскомъ языкѣ числительное имя это въ именн. двойств. муж. читается *два*, средн. и женск. *дѣтъ*, въ весьма древнихъ рукописяхъ пишется также *дѣка*, *дѣкъ*; по извѣстнымъ правиламъ основная форма тѣмы этихъ словъ *dūva* указываетъ на первоначальное *dua* (и передъ гласными раздвояется на *ūv*, *зв.* ср. *Compendium* § 85, 4), ср. греч. лат. *δύο*, *duo*; лит. имен. двойств. *dū* вмѣсто **dvi*; *v* исчезло передъ слѣдующимъ *u*, жен. *dvi* вмѣсто древнѣйшаго **dvē* = слав. *дѣтъ*; латышск. *divi*, родит. *divju* оказывается дальнѣйшимъ преобразованиемъ тѣмы *dva* въ *dv-ja*; *i* въ *div* вѣроятно не первоначальная гласная (ср. *desmit* ниже, подъ наименованіемъ 10), равно какъ и въ латышск. *divinis* (пишутъ *dvihnis*, близнецъ) нѣтъ *i*; прусск. имен. множ. *dvaī* (прочихъ числительныхъ количественныхъ, до 9 включительно, нѣтъ налицо въ памятникахъ прусскаго языка); готск. имен. множ. муж. *tvaī*, средн. *tva*, женск. *tvō-s* (объясненіе одного лишь готскаго родительнаго *tva-ddjē* мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ); сравн. др.-инд. имен. двойств. муж. *dvā*, *dvāu*, средн. и женск. *dvē*, др.-бактр. муж. *dva*.

Предполагаемое Лепсіусомъ (§ 20) и Шафарикомъ соотношеніе между *dva* и тѣмою мѣстоименія втораго лица *tva* противорѣчитъ законамъ фонетики, потому что *d* не = *t*. По мнѣнію Шафарика *дѣка* состоитъ изъ *dū* = *tu* и *va* = *va*, вѣ двойственнаго числа личнаго мѣстоименія 1-го лица. «Числительное *тѣва*, позднѣе *дѣва*», говоритъ онъ, «образовалось изъ соединенія (*synthesis*) двухъ элементовъ *ты* и *овъ* или *ва*, такимъ образомъ, что главный смыслъ заключается въ первомъ, а второй элементъ служитъ только къ значенію формы, т. е. показываетъ отношеніе втораго лица (*ты*) къ первому (*ва*), что совершенно правиль-

но». Не приводя всѣхъ прочихъ возраженій, мы замѣтимъ только что едва ли и «ты въ отношеніи ко мнѣ» означало у нашихъ предковъ тоже что 2. На стр. 253 Шафарикъ принимаетъ (подобно Лепсіусу) ты за основное значеніе слова *dva*. Въ темѣ *dvi*, которая часто является на ряду съ *dva* (напр. др.-инд. *dvi-tīja-s* второй, въ сложныхъ именахъ какъ *dvi-gā-s* родившійся во второй разъ, и т. д.) и оказывается облегченіемъ послѣдняго (*dva*), потому что первонач. *a* очень часто облегчается до *i*, первонач. же *i* никогда не переходитъ въ *a*, Benloew хочетъ найти неотдѣлимый префиксъ *vi* «dont le sens intime est celui de l'éloignement, de l'enlèvement, et qui ainsi que *vā* (lat. *vel* [которое впрочемъ происходитъ отъ «*velle*», сравн. Corssen, *Aussprache, Vocalismus und Betonung der Lateinischen Sprache*, II, стр. 63], *ve*), *ava* (de haut en bas), *paraft* appartenir à la racine *vā* (souffler, *emporter*)». Далѣе говоритъ онъ: «Le *d* initial de *dvi* est évidemment la forme affaiblie du pronom démonstratif, dont le signe caractéristique est d'ordinaire *t* . . . *Dvi* serait par conséquent: ceci loin; le duel *dvan*, *dvi* [слѣдуетъ читать *dvè*]: ces deux séparés l'un de l'autre, ou du sujet qui parle.» Допуская даже чего мы никогда не можемъ допустить, что *dvi*, а не *dva* первоначальная форма числительнаго, допуская также что *t* мѣстоименнаго корня *ta* еще въ первобытномъ языкѣ могло превратиться въ *d*, что однако противно всѣмъ наблюденіямъ въ кругу исторіи звука, и не принимая даже во вниманіе ни страннаго основнаго значенія, приписываемаго здѣсь нашему числительному, ни нѣкоторыхъ другихъ затрудненій, мы должны согласиться, что это объясненіе происхожденія *dvi* отъ **t-vi*, **ta-vi* прямо противорѣчитъ законамъ развитія языковъ: Чѣмъ древнѣе, тѣмъ первобытнѣе языкъ, тѣмъ полнѣе его формы. Первобытному языку мы никакъ не можемъ приписывать многократно облегченныхъ и измененныхъ формъ, какъ напр. *dvi* изъ *ta-vi*. Кромѣ того, въ индо-германскомъ языкѣ частицы, предлоги и союзы образовались только мало по малу изъ нарѣчій, послѣднія же образовались болѣею частію изъ именныхъ, и лишь изрѣдка изъ

глагольныхъ формъ. Такой элементъ какъ *vi* первоначально должно быть, непременно имѣлъ другую, болѣе полную форму; весьма правдоподобно, что это *vi* остатокъ отъ *dvi*, т. е. отъ нашего числительнаго *два* въ облегченной формѣ или, что можетъ быть правильнѣе, остатокъ отъ какой нибудь изъ падежныхъ его формъ. И такъ, судя по аналогіи, *vi* было первоначально самостоятельное слово, нарѣчіе, т. е. падежъ числительнаго имени *два*. Срав. на счетъ этого G. Curtius, *Griechische Etymologie*, Leipzig 1866, стр. 30 и сл., въ особенности стр. 36 и сл. Кто не обращаетъ вниманія на развитіе языковъ и полагаетъ, что можно приписывать ослабленія и искаженія звуковъ уже первобытному языку и явно простое считать сложнымъ изъ всякаго рода многократно сокращенныхъ, измененныхъ и искаженныхъ элементовъ, тотъ попираетъ методъ научнаго языкоученія, предоставляет все субъективному произволу и въ глазахъ каждаго строгаго исследователя низводитъ науку о языкѣ на степень жалкаго дилеттантства. Мы сдѣлали это замѣчаніе разъ на всегда, и впослѣдствіи будемъ довольствоваться одними заявленіями о подобныхъ предположеніяхъ, не принимая на себя труда опровергать ихъ.

3. И для этого числа во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ имѣется одна и таже форма тѣмы, именно *tri*. Др.-болг. имен. множ. муж. *три*, женск. и средн. *три*, творит. *тра-ми*; лит. и латыш. муж. и женск. *tris*, въ литовскомъ пишутъ *trys*, въ латышскомъ *trihs* (у Биленштейна *tris*); гот. муж. и женск. *threis*, средн. *thrija*, лат. и греч. языки имѣютъ вполне соответствующія имъ формы: муж. и женск. лат. *treis*, *tris*, *trēs*, гр. *τρεις*, средн. лат. *tria*, гр. *τρία*. Др.-инд. имен. муж. *trājas*, средн. *trīni*, творит. *tri-bhīs* и т. д.; равнымъ образомъ и др.-бактрійскій языкъ (напр. дат. множ. *thri-bjō*) въ своихъ формахъ муж. и средн. родовъ этого числительнаго примыкаетъ къ европейскимъ языкамъ. Вопросъ откуда происходитъ тема *tri*, оказывающаяся такимъ образомъ первобытною индо-германскою формою, столь же темень для насъ какъ и вопросъ о происхожденіи тѣмы *dva*.

Замѣчательно, что арійскіе языки для женскаго рода имѣютъ

особую тэму, именно *tisag*, которая по мнѣнію Боппа (Vergl. Gramm. § 310) замѣняетъ **ti-tag* и образовалась посредствомъ удвоенія. Древне-ирландскій языкъ въ именит. и винит. женскаго рода также имѣетъ необыкновенныя формы *teoir*, *teoga*, которыя, можетъ быть, находятся въ связи съ вышеприведеннымъ арійскимъ *tisag*, такъ какъ *s* въ ирландскомъ языкѣ исчезаетъ между гласными (Compendium, § 170, 2). Что эти языки, за исключеніемъ женскаго рода, имѣютъ ту-же тэму *tí*, одинаково съ прочими, это было нами уже замѣчено выше.

Боппъ полагаетъ, что это *tí* слѣдуетъ отнести къ корню др.-инд. *tag transgredi*: «такимъ образомъ *tí* (говоритъ Боппъ) значило бы *переступая, превосходя* (оба нисшія числа)». Ср. Vergl. Gramm. § 310. Тоже объясненіе встрѣчается и у Потта, *Etym. Forsch.* I, стр. 276 (какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ мы дѣлаемъ наши ссылки на первое изданіе этого сочиненія). Съ фонетической стороны догадка эта не встрѣчаетъ затрудненій, но это еще не значить, что ее можно считать доказанною. Лепсіусъ производитъ *tí* отъ указательной мѣстоименной тэмы *ta* (§ 9, 10), что Поттъ (*Zählmethode* стр. 133) называетъ баснословнымъ («*fabelhaft*») и съ чѣмъ и мы согласны. Шафарикъ и въ настоящемъ случаѣ частію слѣдуетъ Лепсіусу, онъ сравниваетъ *t-tí* съ суффиксомъ *ta-ga*, служащимъ для образованія сравнительной степени; для него *t*, *ta*, подобно *d*, *dz* въ *dzъka*, не что иное какъ указательный элементъ *ta*, изъ котораго образовалось мѣстоименіе 2-го лица *ты*; *ra*, (*ri*) же сравниваетъ онъ съ грузинскимъ вопросительнымъ *ga quid?*, которое, подобно всѣмъ вопросительнымъ и относительнымъ мѣстоименіямъ, будто бы имѣло указательное значеніе. «Въ *tí*», говоритъ онъ, «есть шагъ къ чему то лежащему за *т*, *ты*, выраженному указательнымъ элементомъ *r*, *ra*, а движеніе впередъ, къ первому лицу, вовсе не обозначено» и т. д. И на этотъ разъ мы считаемъ лишнимъ опровергать мнѣніе Шафарика.

Арійская форма женскаго рода *tisag*, по мнѣнію Потта (*Etym. Forsch.* I, стр. 276) «вѣроятно происходитъ отъ *ati* +